

Алексей Рудаков

**Спасатель: сборник
фантастических рассказов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Р83

Р83 **Рудаков А.Б.**
Спасатель: сборник фантастических рассказов / Алексей Рудаков – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2017. – 150 с.

ISBN 978-5-9216-0555-8

Сборник фантастических рассказов.

ISBN 978-5-9216-0555-8

© Lennex Corp, 2017
© А.Б. Рудаков, 2017

Алексей Борисович Рудаков

Спасатель

Сборник фантастических рассказов

Москва, 2017

УДК 82-1
ББК 84(2)6
Р83

Рудаков А.Б.

Р83 Спасатель: сборник фантастических рассказов / А. Рудаков.
– М.: ФИЛИНЪ, 2017. – 150 с.
ISBN 978-5-9216-0555-8

УДК 82-1
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-9216-0555-8

© Рудаков А.Б., текст, 2017

© Каменева Е., дизайн обложки, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

В далёком 1960 году моему другу Сане Городецкому родственники из Англии прислали подарок - настольный театр – деревянная доска по размеру чуть меньше шахматной, маленькие фигурки кукол с металлом на доньшке, а под доску можно было просунуть палочки с магнитами. Таки м образом можно было передвигать фигурки по доске. Это был мини театр. В то время это была диковина! Мы с Саней стали двигать фигурки, играя ими в футбол. Светлой памяти мама Саньки Городецкого (в то время режиссёр Московского театра миниатюр) предложила нам не заниматься ерундой, а написать к этому «театрику» пьесы.

Помню, что я написал «пьесу» с главными героями принцем Чарли и принцессой Джоканной. С тех пор я увлёкся написанием фантастических произведений. Особенно плодотворный период был у меня во время обучения в военном училище 1969 – 1974 годы. Потом был период «застоя», но время от времени я возвращался к своему хобби. Не помню, кто из известных людей сказал: «Если можешь НЕ писать – не пиши». А знаменитый сатирик М.М. Жванецкий сказал ещё более веско: «Писать, как и писать нужно, когда уже не можешь...»

Очень большое влияние на меня оказали рассказы Станислава Лема о пилоте Пирксе. В принципе, рассказы из серии «Спасатель», и «Вторжение» - это подражание С. Лему. И, конечно же, огромное влияние на моё творчество оказали произведения братьев Стругацких.

Как я пишу свои рассказы? Иногда в голове возникает только одна фраза или мини-сюжет, а потом вокруг этого начинает раскручиваться сюжет. И ещё, я не сяду писать, пока не увижу своё произведение, как кино – во сне или наяву – безразлично.

А что у меня получилось судить читателям. На ваш суд я и отдаю частичку своей души.

А. Рудаков

Октябрь 2017 г.

НАЧАЛО ПУТИ

Сергей Гудков родился в то время, когда космонавтика находилась в стадии развития авиации 80-х годов XX века. А случилось это 18 августа 2117 года.

После окончания предварительной школы у него не было сомнений кем быть - только пилотом. На худший случай штурманом.

На счастье, у Гудкова было хорошее здоровье, и он поступил на командирский факультет Академии космонавтики.

Командир корабля! Романтика!!

- Романтика романтикой, но есть ещё серые будни, - сказал на первой же лекции Бегемот, он же просто Лысый, а на самом деле начальник кафедры теории космических полётов – Владимир Константинович Агапов. - Ну, а серые будни заключаются в том, что на космический аппарат... Товарищи на задних рядах могут начать конспектировать. На космический аппарат в открытом пространстве действуют следующие силы... Вот как вы думаете, товарищ... Да, вы.

- Гудков.

- Ага. Как вы думаете, товарищ Гудков?

- Во-первых, сила, гравитационная сила, близлежащего космического тела или тел. Во-вторых, сила сопротивления среды и, в-третьих, солнечный ветер. В принципе, все эти силы создают одну суммарную, которая воздействует на космический корабль, - ответил Гудков и гордо посмотрел на преподавателя.

Бегемот удовлетворённо кивнул:

- Садитесь, пожалуйста. Товарищ Гудков совершенно правильно охарактеризовал силы, воздействующие на корабль. Он упустил из виду только одну незначительную силу. Она, эта сила, до того незначительна, что... (Сергей почувствовал подвох) её можно не принимать в расчёт. Я говорю о тяге двигательной установки корабля (в аудитории раздался робкий смех), которая примерно на двадцать порядков больше указанных.

Весь курс, все двести восемьдесят человек, кроме одного, покатались со смеху.

Когда смех стих, Сергей обиженно пробурчал, обращаясь к соседу:

- Так это и козлу ясно, что главная сила - это тяга двигателей... Тебя как зовут?

- Виктор.

- Сергей.

- А вообще, здорово он тебя подколот.

- Здорово, - согласился Сергей, и весь остаток лекции прилежно конспектировал.

Бегемот оказался прав. На первом курсе романтикой и не пахло. Были только одни серые будни. И хотя Гудков понимал, что всё, что им здесь преподают, понадобится в будущем, его тошнило, когда приходилось строить навигационный треугольник сил воздействия на бумаге. В космосе - это да! А здесь...

На втором курсе их разделили на группы, и началась «романтика» - на большой центрифуге. В самом начале это, действительно была романтика. Но только до трёхкратных перегрузок. Приятно было ощущать, как твоё тело наливается тяжестью, как начинает давить на затылок подголовник кресла. Можно было смело сказать, что девяносто девять процентов шестнадцатилетних парней воображали, что они сидят в кабине настоящей ракеты.

Но после трёхкратных перегрузок начался отсев. Не выдерживавших переводили на диспетчерский факультет и на факультет штурманов наведения.

Гудков выдержал все эти муки, а проще говоря - костоломку, и дошёл до максимальной перегрузки - 10 «g».

Два раза в неделю он сидел спелёнутый ремнями и противоперегрузочными шлангами и слушал, как трещат его кости и стучит кровь в висках. Кроме этого надо было ещё решать какие-то идиотские задачки по составлению всё того же осточертевшего навигационного треугольника.

А потом...

- Курсант Гудков к полёту готов!

- Орать не обязательно, - устало ответил инструктор. - В ракету.

- Есть.

Сели, привязались.

- Ну, так. Мы находимся в учебно-тренировочной ракете типа УТР-29бис¹. Максимальная тяга... Крейсерская тяга..., стартовая тяга... Прямо пульт управления двигателями...

Сергей посмотрел на инструктора и икнул от удивления. Инструктор сидел в свободной позе с закрытыми глазами, но руки его безошибочно трогали рычаги, тумблера, кнопки, переключатели, верньеры...

- С теорией покончили. Вопросы?

- Нет.

- Хорошо. Кхм-гм-гм... Зяблик-старт, я - Ульяна-85341. Разрешите старт. Учебное задание номер один.

- 341-му старт разрешаю. Зона третья.

- Понял. Третья зона... Ну...

Гудкову показалось, что его со всего маха огрели по задней части огромной совковой лопатой.

- Семь «же», как минимум, - подумал Сергей, скрипнув зубами.

- Цвет неба? - спросил инструктор.

- Тёмно-синий переходит в фиолетовый. Различаю звёзды, - процедил сквозь зубы Гудков.

- Молодец. Курс?

- Вертикаль на Арктур с правым уклонением три градуса.

- Молодец.

А потом началось такое, по сравнению, с чем большая центрифуга показалась Сергею детской забавой. На центрифуге перегрузка действует всегда в постоянном направлении груды-спина. Здесь же перегрузка всё время меняла и направление, и величину. Кроме того, инструктор требовал давать ему показания всех! приборов. Гудков тупо смотрел то на экраны, то на приборы и думал только об одном:

- Скорей бы всё это кончилось, и я больше никогда не сяду в ракету.

И вдруг:

- У-85341, я - Т-26704 срочно нуждаюсь в помощи. Опасность взрыва двигателя. Нахожусь в вашей зоне.

Если бы не слова «В вашей зоне», Сергей и вправду бы поверил, что кто-то терпит аварию около них. Но он очень внимательно изучал курс радиообмена и твердо помнил, что слово «зона» всегда произносится с цифрой её обозначающей, а вообще, как правило, называется либо район, либо квадрант, так как зона слишком большая, и её номер не даёт представления о координатах ракеты.

- Кто вышел на связь? - спросил инструктор.

- Вы.

- Правильно. На сегодня хватит.

Ракета стала стремительно проваливаться в атмосферу, и Сергею показалось, что желудок вот-вот выскочит у него изо рта.

Когда Гудков вышел... нет, выполз из ракеты его начало мутить, причём так, как не мутило никогда в жизни. Инструктор стоял у него за спиной и равнодушно курил. Когда приступ кончился, он взял у Гудкова лётную книжку, нарисовал во весь первый лист жирный красный крест и сказал:

- Вытащишь из грузового отсека шланг и вымоешь площадку. Будь здоров. Не кашляй.

Гудков уныло посмотрел на крест, нарисованный в его лётной книжке, и подумал:

- Ну, вот и всё. Отлетался.

Ему вдруг стало ужасно жалко себя. Он забыл, что полчаса назад поклялся больше не летать. Теперь же ему наоборот, так захотелось обратно в космос, что он чуть не расплакался от обиды. Он, как и все новички, не знал, что вот такой крест означает наивысочайшую оценку его, Гудкова, способностей. Не знал и поэтому, проклиная судьбу, нехотя драил посадочную площадку.

¹ УТР – учебно-тренировочная ракета.

- Итак, товарищ Гудков? - Бегемот доброжелательно улыбнулся и всем своим видом показал, что будет терпелив и выслушает ответ до конца.

- Значит, э-э-э, первый вопрос..., - Сергей запнулся и тупо посмотрел в билет. В билете чёрным по белому было написано: «1. Действия пилота космического корабля при возникновении побочной реакции в реакторной камере маршевого двигателя».

- Н-ну-с, я слушаю вас.

«Продолжай слушать», - захотелось сказать Сергею. Он подумал, насколько ему было бы легче, если бы они сейчас находились в кабине ракеты или хотя бы на тренажёре...

Через час Бегемот вывел в зачётной книжке Гудкова жирное «удовл.» и, вздохнув, сказал:

- Очень жаль, что приходится ставить всего на всего три. Вы всё знаете, но рассказать, как следует, не можете, а это плохо. Ведь вы будущий командир корабля. А командир корабля не столько пилот, сколько воспитатель и обучатель... э-э-э, педагог. Понимаете? - Сергей кивнул. - Это хорошо, что вы понимаете, но...

И пошло и поехало. Он знал, что самое главное сейчас - терпеливо слушать нотацию и, упаси боже! перебить Бегемота. Тогда следующий экзамен будешь сдавать до второго пришествия Иисуса Христа. Гудков слушал, стиснув зубы, старательно изображая на лице напряжённое внимание. Он даже позволил себе чуть приоткрыть рот.

Инструктор брезгливо повертел зачётку, держа её двумя пальцами, протянул Гудкову и сказал:

- М-да, я ожидал от тебя большего. И это перед первым самостоятельным полётом. Ну, ладно. Готов?

- Готов.

- Счастливо. Смотри в оба и поспокойнее.

- Понял.

Сергей по лёгкой алюминиевой лесенке поднялся к люку, махнул инструктору и открыл люк в кабину. Впервые он вошёл в кабину настоящей ракеты один.

- Зяблик-старт, я - У-29270, прошу разрешение на старт. Задание: Программа номер один.

- У-29270-му, я - Зяблик-старт. Старт разрешаю. Зона 8.

- Вас понял. Старт разрешили. Зона 8.

Гудков включил питание и запустил двигатель на холостой ход. Проверил показания приборов и нажал кнопку «СТАРТ». Ракета плавно, без рывков начала подъём.

На командно-стартовом пункте руководитель полётов сказал инструктору:

- Плавно. Хорошо ты его натаскал.

- Натаскивают собак. А этот парень у меня один из лучших.

- Крестом пометил?

- Ещё каким! Ты знаешь, Глеб, не хвастаясь, скажу, у меня на таких, как этот Гудков, чутьё. Может, я и ошибусь, но мне кажется, что этот парень прирожденный спасатель. Такого хладнокровия, как у него, я давно не встречал у курсантов.

- Зяблик-4, я - У-29270. Вошёл в зону 8, приступаю к выполнению задания.

- Приступайте.

- Понял.

Сергей слегка увеличил тягу и начал плавный разворот. Программа состояла в основном из выполнения стандартных манёвров, необходимых любому пилоту в зоне тяготения большого космического тела. Гудков почти автоматически выполнял манёвры, следя за ходом реакции в двигателе и температурой плазмы.

- Значит, говоришь, хладнокровен? - сказал руководитель полётов инструктору. - А если я ему сейчас вводную номер четыре дам?

Инструктор, прищурившись, посмотрел на руководителя:

- Ну, что же, пожалуй, с четвёртой вводной он справится.

- Посмотрим.

Руководитель полётов набрал на специальном пульте позывной Сергея и, помедлив, нажал кнопку № 4. В ту же секунду на экране локатора бокового обзора ракеты Гудкова появилась слабая точка, похожая на отметку от космического корабля.

- Зяблик-4. Я - У-29270, обнаружил в квадранте... 24...-83-132 движущийся объект.

- У-29270. Определите параметры движения.

- Понял.

Сергей развернулся носом к объекту, таким образом, чтобы отметка попала в перекрестие электронного прицела.

Через три минуты на командном пункте раздался слегка взволнованный голос пилота:

- Зяблик-4, я - У-29270. Параметры движения: курс - 181-051, скорость 5000 километров в секунду, постоянно... скорость 5100, объект приближается. Ускорение 1,8. Объект продолжает сближение. Дальность 300000 километров. Пробую связаться на аварийной частоте.

- Действуйте.

Гудков сначала не особенно волновался. Во время полётов с инструктором они сближались с другими ракетами и на более близкие расстояния. Но этот вдруг вломился в учебную зону. А, судя по отметке на экране, это был большой корабль. По настоящему Сергей взволновался, когда корабль, не отвечая на запросы, продолжал сближение.

- Зяблик-4, я - У-29270, объект продолжает сближение. Скорость, 6000, дальность 250000, курс прежний.

- Ваше решение, 29270?

- Разрешите отход в зону 7.

Руководитель полётов уважительно посмотрел на инструктора и ответил:

- Разрешаю. Продолжайте наблюдение за объектом.

Гудков снизил скорость и начал уходить в сторону. И тут произошло невероятное - объект тоже изменил траекторию и снова стал сближаться с его ракетой всё, увеличивая скорость.

- Зяблик-4, я - У-29270, объект идёт прямо на меня, скорость 6700, дальность 200000.

- У-29270, я - Зяблик-4. Продолжайте уклоняться от сближения. Вызываю спасателей.

У Гудкова предательски задрожали пальцы, когда после двух его манёвров, неизвестный корабль упорно продолжал сближаться с ним. Сергей беспомощно обвёл взглядом экраны. Никого рядом. Он один на один с этим чудовищем, которое прёт прямо на него. И в кресле инструктора тоже никого. Совсем один! Первый полёт и на тебе!

- У-29270, доложите обстановку.

- Без изменений. Объект продолжает сближение.

- Продолжайте маневрировать. Спасатели уже на подходе.

- Я их не вижу.

- Спасатели на подходе.

- Понял.

Через десять секунд Гудков определил размеры и ориентировочно массу объекта. На него неслась громадина около десяти километров в диаметре и массой не менее полмиллиарда тонн массы покоя. «А у меня всего двести тонн. Разнесёт в пыль и даже не заметит». Пилотом вдруг овладело отчаяние, но только на несколько секунд. Сергея вдруг осенило:

- Масса полмиллиарда. Резко повернуть он не сможет. Рискну.

Он развернул ракету носом к таинственному объекту. В это время на экране локатора появились отметки от ракет спасателей. Гудков прикинул дальность. «Не успеют». До объекта оставалось 100000 километров. Сергей дал двигателю полную мощность и одновременно включил форсаж. В глазах потемнело от внезапно навалившейся перегрузки.

- Что он делает?! - воскликнул руководитель.

- Не знаю.

- 29270! Что ты делаешь?!

-...чиваюсь...

Дальномер бешено скручивал сотни километров. Пилот впился глазами в счётчик дальности, хотя это стоило ему титанических усилий. 90000. Рано. 80000. Рано. 50000. Рано! 25000 километров. Рано, чёрт! 10000. Спокойно, ещё рано! 5000!! 2000!!! Пора! Гудков рванул ракету в сторону. В кабине тревожно завывала сирена, и вспыхнуло табло: «Прекратить манёвр! Опасная перегрузка!» Отметка на экране скользнула в бок и пропала. Сергей, теряя сознание, успел нажать кнопку «ВОЗВРАТ». Теперь ракета без участия пилота с минимальными перегрузками сама вернётся на свой космодром.

Руководитель полётов несколько раз вызвал Гудкова, но динамик молчал.

- Да, переборщили мы с тобой. Придётся вытаскивать парня.

- Не придётся. По-моему, он успел включить режим автовозврата. Посмотри на локатор.

- Похоже... Ох, и влепят же мне.

- Мне тоже.

- Но он у тебя молодец. До такого ещё ни один не додумался. Я бы, наверное, не рискнул бы вот так. Как он.

- Я бы тоже. Просто мы с тобой знаем и понимаем, чем это грозит. Ошибись он на метр... и, если бы это был настоящий корабль, всё. Крышка.

- Но ведь он не ошибся! Ни на миллиметр не ошибся! Ай, да парень!

- Зяблик-4, я - У-29270. От столкновения уклонился. Временная потеря сознания от критической перегрузки. Разрешите прекратить выполнение задания?

- Разрешаю. Режим «ВОЗВРАТ» не выключать.

- Понял. Посадка в автоматическом режиме.

Руководитель покачал головой и, включив внутреннюю связь, сказал:

- Фёдор Иванович, возьми на себя остальных. Я встречу 270-го.

- Давай, артист.

- Это не я. Это он артист.

- Ты тоже. На разборе поговорим.

- Ладно.

Когда они подъехали к ракете, Гудков уже спустился вниз и, сел прямо на бетон, прислонившись спиной к посадочной лапе. Инструктор посмотрел на своего воспитанника и не узнал его. Щёки ввалились, глаза запали, а под глазами мешками висела набрякшая синевой кожа. Инструктор наклонился к нему и спросил:

- Живой?

- Вроде бы да. Что это было?

- Ничто. Пустота. Вводная программа для выпускного курса. Отлично, мой мальчик. Отлично с пятью плюсами.

Сверху из кабины спустился руководитель полётов и спросил:

- Сынок, как ты смог нажать кнопку «ВОЗВРАТ»?

Гудков пожал плечами. Отвечать не было сил. Руководитель посмотрел на инструктора и сказал:

- Он нажал кнопку при перегрузке двадцать три «же».

- Ско-о-олько!?

- Двадцать три «же».

- Шутить.

- Ни капли. Это он над нами подшутил... Ваша фамилия?

- Курсант Гудков.

- Вот, что, курсант Гудков, садитесь в машину и в лазарет.

Сергей виновато посмотрел на инструктора и сказал:

- Я не могу встать.

Инструктор поднял пилота на руки и бережно отнёс в машину. Оказавшись на заднем сиденье, Сергей моментально заснул. Руководитель сел за руль и, посмотрев на спящего юношу, сказал:

- Знаешь, Владислав, я, конечно, свинья. Из Академии меня, безусловно, вышибут. И правильно сделают...

- Меня тоже.

- Возможно... Но я совершенно спокоен. Нам на смену в космос придёт вот он. А он стоит десятка таких, как мы с тобой. И это в самом начале пути. А каким он будет через пять лет?

Гудков лежал на высоком столе лечебного кабинета и чувствовал, как постепенно утихает боль во всём теле. Он попробовал пошевелиться, но медсестра, стоявшая у пульта, строго сказала:

- Лежите спокойно, товарищ Гудков. Расслабьтесь.

Сергей глубоко вздохнул и расслабился. Сразу закружилась голова, и он впал в полудремотное состояние. Как сквозь какую-то пелену он краем глаза увидел, что кто-то вошёл в кабинет и разговаривает с медсестрой. Потом вошедший подошёл к нему и, наклонившись, что-то

спросил. Сергей слабо улыбнулся. Доктор приподнял простыню, укрывавшую пилота и осмотрел его тело. Тело как тело... но вот спина... Во время виража кровь рывком прилила к спине, и у пилота полопались мелкие сосуды. Доктор осторожно приподнял юношу и присвистнул - от шеи и почти до самых ягодиц у Гудкова была сплошная кровавая корка. Он осторожно коснулся пальцами корки. Сергей застонал.

- Понятно. Нина.

- Слушаю, Евгений Николаевич.

- Как у него с внутренними органами?

- Всё нормально, по крайней мере, по приборам. Да и по состоянию видно, что внутренних повреждений нет.

- Хорошо. Гудков, вы меня слышите?

- Ум-м.

- Придётся дня три - четыре полежать. Часа через два наступит облегчение, но вставать пока категорически запрещаю, иначе спина ещё долго будет болеть. Ясно?

- Ум-м.

- Вот и молодец. Герой. Поставим тебя на ноги, и будешь снова летать.

- Ум-м.

- Что мычишь? Говорить трудно?

- Да.

- Ну, лежи, выздоравливай...

ИСПЫТАНИЕ

Гудков медленно шёл по коридору главного корпуса Академии. Настроение у него было паршивое. Во-первых, он вдрызг разругался с Ларисой, а во-вторых, и это главное, его определили в группу с поисково-спасательным уклоном. Лариска – это ладно. На ней свет клином не сошёлся, а вот спасателем ему быть не хотелось.

Сергей сначала даже взбунтовался, побежал к декану...

- Напрасно вы волнуетесь, Гудков, - мягко сказал декан, - распределение по группам весьма предварительное. По выпуску вы можете попасть совсем не в спасатели.

«Ну, да, - подумал Сергей, - знаем мы эти байки для маленьких. Нас на мякине не проведёшь».

От декана он вышел злой, как голодный волк и нос к носу столкнулся с Ларисой. Если бы она просто поговорила с ним... А то... «Почему не звонишь, почему не заходишь. Неужели это должна я делать сама?» Ну и разругались в прах.

- А! Ладно! - сказал вслух Сергей. - Подумаешь, цаца, какая! «Ты мне даже ни разу цветов не подарил!» Ну и что? Как будто только в цветах дело.

- Между прочим, разговор с самим собой - первый признак шизофрении, - раздался за спиной голос Витьки Сапогова.

У Сапогова была хорошая реакция, поэтому кулак Сергея пронёсся всего в сантиметре от его носа.

- Ты что, сдурел? - Виктор отступил и на всякий случай принял стойку.

Гудков расслабился... «Хватит на сегодня одной Лариски».

- Хотел проверить твою реакцию.

- Ну, и как? - поинтересовался Виктор.

- В порядке.

- Ясно. С Лариской разругался?

- Да, не-е-ет.

- Так, да, или нет?

- Тебе-то, Сапог, какое дело?

- Да мне-то, Гудок, никакого дела до вашей грызни нет. Просто за тебя обидно. Вертишься ты возле неё по круговой орбите, а она только фыркает. Это ей не так, то ей не эдак.

- Ладно, больше тебе за меня обидно не будет.

- Значит поссорились?

- Ага.

- Переживаешь?
- Не особенно, - Сергей сел на подоконник. - Не в Лариске дело.
- А в чём? - Сапогов устроился рядом с другом.
- В спасатели меня определили.
- Виктор понимающе присвистнул.
- Я уж и декану ходил... Глухо.
- А может по выпуску?
- Во-во, Степанов мне тоже так сказал. Только я этому не верю. Не очень верю.
- Ты, Серёг, особенно не переживай.
- А я особенно не переживаю. Просто обидно. Я же не хуже других.
- Не то, что хуже, а лучше, - прогромыхал на весь пустой коридор Ухо, он же преподаватель курса радиообмена, Джекоб Вуд. Ухом он был прозван за свой сверхчуткий слух. Вот и сейчас он показался в самом дальнем конце стометрового коридора и медленно надвигался на курсантов соскочивших с подоконника. Именно надвигался, так как имел рост два метра восемьдесят девять сантиметров и вес около двухсот килограмм. Не одно поколение курсантов ломало себе голову над вопросом: как эта громадина помещается в одноместной ракете, расстояние в которой от сиденья кресла до люка всего полтора метра. Джекоб Вуд подошёл к парням и строго посмотрел на них с высоты своего гигантского роста.

- Запомните, Гудков, в спасатели отбирают лучших из лучших. Это одна из не многих профессий, где не дозволено ошибаться даже в мелочах. Ибо в спасательной службе мелочей нет.

Преподаватель слегка хлопнул Сергея по плечу. Этот жест дружеского расположения напомнил юноше стартовые перегрузки, которые порой доходили до восьми единиц.

- Сергей и Виктор вышли из здания Академии и, не спеша, пошли в сторону общежития.
- Ну, а тебя-то куда, Вить? - спросил Гудков.
- Тоже, понимаешь, не мёд. В транспортную группу.
- У тебя-то хоть работа в космосе, - сказал Сергей. - А у спасателей полно баз на планетах.

Попадёшь на такую базу, да ещё на атмосферную машину посадят, и прощай космос на веки вечные.

- Слишком ты, Серёга, всё близко к сердцу принимаешь. Брось. Впереди ещё два года. Мало ли, что может измениться.

Некоторое время шли молча. Гудков думал, что может Виктор и прав. За два года, что остались до выпуска многое может измениться.

Друзья вошли в парк, примыкавший к общежитию. Парк был совершенно диким. В сущности, это был не парк, а лес. Воздух здесь был на редкость чист и свеж. Сергей вздохнул полной грудью и заложил руки за голову.

- В сущности, - задумчиво сказал он, - всё равно куда попасть, лишь бы в космос.
- Правильно, - согласился Сапогов.
- Представляешь, старик, ты терпишь на трассе аварию, а я тебя спасаю. А?
- Типун тебе на язык.

- Ну, это я так, в шутку. А вообще..., - Сергей не договорил и остановился как вкопанный.

На лавочке сидела Лариса и, не отрываясь, не моргая, смотрела на него своими большими синими глазами. Сапогов тоже остановился, посмотрел на друга, посмотрел на Ларису и вдруг хлопнул себя ладонью по лбу:

- Елки-палки! Мне же на консультацию надо! Извините, ребята, я побежал.

Сергей с досадой посмотрел ему вслед и подумал: «Интересно, какая такая у тебя консультация может быть в общежитии, да ещё через три часа после окончания занятий?»

- Он взглянул на Ларису. Девушка продолжала смотреть на него, по-прежнему не мигая.

- Сядь, пожалуйста.

Он сел.

- Тебя распределили в группу спасателей? Это правда?

Сергей стиснул зубы:

- Правда.

«Послать бы её со всем её сочувствием, куда по дальше! А, впрочем, за что?.. Ну, хреново мне, а она-то здесь причём? Чего я, собственно говоря, взбесился-то?»